

тикали: вознесенная Фелица с аллегорическими атрибутами Екатерины (лавровый венец, руль правления, «полсвета», геральдический орел) и высокой, «небесной» лексикой (Поэзия, истина, Бог, престол, добродетель, «небесная улыбка», благоволение) противопоставляются коленопреклоненному мурзе на фоне выросшего в землю дома, определяемого лексикой земной, mortalной («алчный червь», «гробовые обломки», «прах костей»). Эмблематические элементы функционируют здесь наряду с реалиями и автобиографическими деталями. Так, орел, «терзающий ехидну», аллегория злобы, иллюстрирует строку: «как мне была и есть ты от клевет спасеньем» (в первоначальном варианте – «от злобы ты спасеньем») [Державин 1864, 1: 715], явно имеющую автобиографический характер. И, несмотря на небесную природу императрицы и ее вознесенность по отношению к лирическому субъекту, она все же человек, и, тем самым, близка поэту.

Таким образом, вербальная и визуальная компоненты образа Екатерины II в художественном сознании Г. Державина тесно связаны, но не тождественны. Поэт изображает императрицу аллегорически в облике Минервы, посредством эмблематических образов и атрибутики. Акцентируется ее божественная природа, но элементы автобиографизма и отдельные детали рисунков и текстов позволяют одописцу увидеть в монархине человеческую натуру.

Литература

Григорьева Е.Г. Эмблема: Очерки по теории и прагматике регулярных механизмов культуры. / Е.Г. Григорьева. – М.: Водолей Publishers, 2005. – 232 с.

Державин Г.Р. Сочинения: в 9 т. : с объяснительными примеч. Я. Грота / Г.Р. Державин. – СПб.: Издательство Императорской Академии наук, 1864–1883. – Т. 1.: Стихотворения. Часть I. – 1864. – 812 с.; Т. 2. Стихотворения. Часть II. – 1865. – 736 с.

Смолярова Т. Зримая лирика. Державин / Т. Смолярова. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 608 с.

Эмблемы и символы / Вступит. ст. и комм. А.Е. Махова. – М.: Интрада, 2000. – 368 с.

Гимн Человеку в оде Г.Р.Державина «Бог»

М.В.Небольсина

Академия наук Республики Татарстан (Казань)

Ключевые слова: Державин, ода, Бог, сила человеческого разума

*Державин умер!.. слух идет,
И все молве сей доверяют.
Но здесь и тени правды нет:*

Бессмертные не умирают!

*В. Капнист, «На кончину
Гавриила Романовича Державина»*

В 1780-ом году на Пасхальной всенощной Гавриил Романович Державин молился в церкви Зимнего дворца. В это самое время к нему пришло вдохновение, которое вылилось в стихотворные строки:

О ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени Превечный,
Без лиц, в трех лицах божества!

Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто всё собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем – Бог!

Так зародилась одна из самых известных од Г.Р. Державина «Бог». Лишь через четыре года, проживая в Нарве, где он поселился в небольшой квартирке у престарелой немки, с тем, чтобы она его кормила, продолжил поэт свое произведение. Немка носила ему еду, а он работал до тех пор, пока сон не сваливал его с ног. Просыпаясь, снова брался за перо...

После нескольких напряженных дней работы в нарвской квартирке он все же чувствовал, что стихотворению недостает последнего куплета. Тут нужно было даже не вдохновение, а откровение. «Он лег спать, - пишет Гавриил Романович о себе, - и увидел во сне, что блещет свет в глазах его, проснулся, и в самом деле, воображение было так разгорячено, что казалось ему, вокруг стен прыгает свет, и с сим вместе полились потоки слез из глаз у него; он встал и ту ж минуту, при освещающей лампаде написал последнюю сию строфу».

Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к Тебе лишь возвышаться,

В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

В XVIII веке духовная поэзия была в ходу по всей Европе – почти каждый поэт посвящал хоть одну оду восхвалению величия Божия. В большей части тогдашних русских журналов тоже можно было найти оригинальные или переводные стихи подобного содержания. Вполне естественно, что Державин, сознавая свой поэтический талант, тоже хотел испробовать его на этой теме.

Обращению поэта к теме Бога также предшествовала история из его далекого детства. В младенчестве Гавриил Романович «был весьма мал, слаб и сух, так что, по тогдашнему непросвящению и обычаю народному должно было запекать его в хлебе, дабы получил он сколько-нибудь живности». Когда Державину исполнился год, в небе над Сокурами, откуда он родом, пролетела комета. Увидев ее, мальчик промолвил первое слово: «Бог».

Ода «Бог» увидела свет, когда Гавриил Романович печатал свои работы в «Собеседнике любителей русского слова», – именно со страниц этого издания предстала она миру. Она стала первым русским стихотворением, получившим международную славу. Правда, самому Державину показалось, что в России ее не все поняли до конца, и он написал «Объяснения на сочинения Державина относительно темных мест, в них находящихся, собственных имен, иносказаний и двусмысленных речений, которых подлинная мысль автору токмо известна». Сам автор считал свое произведение, в котором воспел могущество человеческого разума, самым высоким своим созданием. Действительно, Ода произвела ошеломляющее впечатление на современников: впервые в русской поэзии бесконечный духовный мир простого смертного выразился столь грандиозно и столь задушевно пронзительно. Если воспользоваться словом Ломоносова, эти стихи воспевали «божие величество» в человеке. В их основании лежит мысль слишком гордая, чтобы не быть кощунственной. Бог у Державина – это песнь и восхищенное любование мирозданием, и определение своего места в нем, это – и удивление перед Создателем и созданием, и своеобразный лирический символ веры. Гимн Богу, созданный Державиным, есть одновременно и гимн Человеку, выражение веры в его божественную сущность. Не случайно Ода «Бог» вызвала протесты церковников:

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь - я раб - я червь - я бог!

Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? - безвестен;
А сам собой я быть не мог.

Без лиц, в трех лицах божества, Державин пояснял: «Автор, кроме богословского православной нашей веры понятия, разумел тут три лица метафизические, т. е.: бесконечное пространство, непрерывную жизнь в движении вещества и неокончаемое течение времени, которое бог в себе совмещает».

Некоторые мыслители считали, что великая русская литература началась с Оды Державина «Бог». Именно этой одой он открыл свое собрание сочинений...

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Через звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

Эти восемь строчек нашли после смерти Гавриила Державина на аспидной доске, которую он обычно использовал как черновик. Возможно, они были началом большой оды, которую задумал поэт. Но и сами по себе эти стихи вполне закончены. За три дня до собственной кончины Державин пишет о конце мира, когда «времени уже не будет», как говорит Ангел в Апокалипсисе, когда «и смерть и ад повержены в озеро огненное». Дела государственные забываются еще в истории. Но и все, что создано человеком нематериального, - поэзия, музыка - существует только во времени. Перед Вечностью не устоит и это. В последних стихах Державин отказывает себе в историческом бессмертии, о котором гордо заявлял всю жизнь, на пороге иного бытия он думает о личном бессмертии – в Боге.

Первым словом маленького ребенка, Гавриила Державина, было слово «Бог» и последним словом было тоже «Бог».

В уединенном имени умирал уже не бывший министр юстиции, не тайный советник, не статс-секретарь, а просто раб Божий Гавриил. Холодящей рукой он стал писать свое последнее стихотворение, подражая великому библейскому автору Экклесиасту...

Литература

Веселовский А. Западное влияние в новой русской литературе: сравнительно-исторические очерки / А. Веселовский. – М., 1983.

Гербель Н. В. Русские поэты в биографиях и образцах / Н.В. Гербель. – СПб., 1988.

Гоголь Н. В. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность / Н.В.Гоголь. Собр. соч.: В 7 т. – М., 1978. – Т.6.

Грот Я. К. Примечания и приложения к "Жизни Державина" / Я.К.Грот // Державин Г.Р. Сочинения. — СПб., 1883.

Державин Г. Р. Сочинения: В 9 т. / Под ред. Я. К. Грота. — СПб., 1864-1883.

Державин Г.Р: История и современность. – Казань: Изд-во КГУ, 1993.

Ходасевич В.Ф. Державин / В.Ф.Ходасевич. – М.: Мысль, 1988.

«Едва увидел я сей свет, / Уже зубами смерть скрежет...»: тренические мотивы в лирике Г.Р. Державина

М.К.Парамонова

Московский городской педагогический университет

(Москва)

Ключевые слова: Державин, поэтика, произведения на смерть, танатология, ода

Существуют внешние факторы, которые инициируют размышления о смерти и формирование представлений об этом феномене. О. Суворова в статье «Личностное знание о смерти: пути формирования, смысл и значение» пишет, что «такого рода неявные знания оказываются тесно связанными с осознаваемыми содержательными представлениями о смерти. Важным фактором формирования последних можно считать опыт встречи со смертью другого, общение с умирающим» [Суворова 1999: 49]. В художественной литературе размышления о смерти часто были детерминированы субъективными переживаниями автора. Смерть близкого человека, родственника, уважаемой персоны могла вызвать не только элегические чувства, но и философские размышления.

В лирике XVIII века, жанрами, посвященными кончине кого-либо, являлись элегия на смерть и ода. Факт смерти становился сюжетообразующим, служил причиной к созданию литературного произведения и часто осмысливался также.

Элегия на смерть произошла от древних причитаний, но в век Просвещения она стала не только выражением скорби по поводу смерти третьего лица, а еще и поводом подумать о вечности, в ней разрабатывалась «традиционная для европейской надгробной элегии тема нестабильности человеческой славы» [Козлов 2013: 69].